

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б72

Серия «Вьюрки. Книги Дарьи Бобылёвой»
Дизайн обложки: Юлия Межова

Бобылёва, Дарья Леонидовна
Б72 Неучтенная планета, или Как достичь душевной гармонии / Дарья Бобылёва.— Москва: Издательство АСТ, 2020.— 413, [1] с. (Вьюрки. Книги Дарьи Бобылёвой).

ISBN 978-5-17-119808-4

Психотерапевтический, умный, полный юмора и приключений роман, удачно маскирующийся под научную фантастику, от автора «Вьюрков».

В космосе хорошо. Миры добры. И на этой планете всё делается для блага живущих, ради их душевной гармонии. На каждом шагу — свои странности, свои законы, которые никто не может объяснить, но все делают вид, будто так и нужно.

На самом деле они, конечно, врут...

Но ничего плохого здесь случиться не может.

И это не нормально.

Можно принять всё как есть. Можно драться. Можно искать истину. Если слишком невыносимым станет одиночество в пустоте, повторяй: «В космосе хорошо».

© Дарья Бобылёва, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Я не позволю инопланетянам трогать
моих привидений.*

Смотритель

Глава первая

в которой можно получить некоторое представление о героях, инопланетной агрессии и о том, можно ли разговаривать с дорогой

Детеныш морфа осторожно высунулся из канавы. Теперь два неизвестных зверя были совсем близко. Морфенок заметил их, когда играл на противоположном конце поля. Разноцветные стекляшки, из которых он старательно выкладывал непристойное слово (морфы называют такие слова «телесно испачканными»), внезапно засверкали, отражая зарево в небесах. Подняв голову, детеныш морфа увидел двух огромных птиц, а может, летающих ящеров — вместо перьев они были покрыты чем-то вроде матовой чешуи. Существа величественно снижались. У самой поверхности планеты одно внезапно оттолкнуло другое, уже нацелившееся на удобный ровный участок, и уселось туда первым. Обиженная птица на пару мгновений зависла в воздухе, растерянно покачиваясь, а потом, очевидно, увидела иное подходящее место для гнездования и полетела туда, предварительно клюнув второе существо в темный чешуйчатый бок.

Детеныш морфа следил за маневрами, открыв ротовое отверстие от восторга. Если бы он меньше времени уделял цветным стекляшкам и больше — образовательным программам, то сразу понял бы, что перед ним — два космических корабля. А если бы он освоил еще и дополнительные материалы, то, скорее всего, догадался бы, что именно это за корабли, и благоразумно сбежал, поскольку морфы относили их к категории ПИК — «предпочтительно избегать контакта». В общем, именно необразованность морфенка запустила целую цепь событий, начавшихся здесь, на благоухающем гнилым мясом поле — по первому теплу обильно цвела мерзьянка, — и в итоге повлиявших на судьбы Вселенной, поскольку на судьбы Вселенной, как полагают философы различной видовой принадлежности, влияет любая мелочь.

Необразованный морфенок, как и все детеныши, был любопытен. Забыв про игру, он видоизменился в изумрудную змею и пополз к существам. С другой стороны поля донеслись какие-то звуки — хлопки, шипение, но все быстро стихло. Юный морф решил не жертвовать маскировкой ради возможности высунуться из травы и посмотреть, что же там происходит. Взволнованно сопя, он извивался в густой зелени, пока не свалился в канаву.

Грязная вода заставила юнца морфировать сначала в нечто вроде большой лягушки, а потом — в ракообразное. Он выполз на берег, отряхнулся и жадно всмотрелся маленькими глазами на стебельках в силуэты загадочных визитеров. Существа неподвижно лежали на траве — наверное, они спали.

Вблизи они уже не напоминали ни птиц, ни ящеров. Размеров существа были исполинских, но каких именно, морфенок так и не понял, поскольку вокруг расстилось ровное поле и сравнивать оказалось не с чем. По крайней мере, на спине каждой из этих загадочных тварей могли с комфортом поиграть в догонялки примерно пятеро подрощенных морфят. Если он, конечно, правильно определил, где у них спина.

И тут взгляд юного морфа упал на валявшуюся в траве удивительную штуку. Штука была в миллион раз интереснее самых отборных стекляшек: короткая палка, с обеих сторон заканчивавшаяся большими загнутыми крюками. Детеныш торопливо подскочил к ней, понюхал, лизнул, отрастил конечность и поднял трофей. Палка была обтянута чем-то плотным и мягким, там даже имелись удобные углубления под отростки, которые гуманоиды называют «пальцами». Морфенок пощупал один из блестящих крюков и незамедлительно порезался.

— Осторожнее! — прогудел глубокий и низкий голос.

Детеныш застыл от страха, потом медленно повел глазами по сторонам. Глаза встретились на макушке и озадаченно уставились друг на друга. Никого.

— Я здесь,— пробасил голос.

Морфенок огляделся еще раз с тем же результатом и на всякий случай забился под брюхо ближайшего существа. В тени он вновь почувствовал себя в безопасности и продолжил изучение замечательной штуки. Надорвав мелкими зубами ткань, которой была обмотана рукоятка, детеныш принялся отколупывать ее от палки.

Он так увлекся процессом, что не услышал шагов и не заметил, как в опасной близости от него возникли чьи-то ноги.

— О, абориген! — на этот раз голос был другой.

Морфенка взяли за загривок и подняли ввысь. Несколько мгновений он висел в воздухе, пища от ужаса, и вытаращенными глазами разглядывал небольшую самку человека в сером комбинезоне, а потом вырастил кривые острые шипы по периметру всей тушки. Самка вскрикнула, выронила детеныша и затрясла окровавленной рукой, а тот, в свою очередь, выронил восхитительную штуку, поскольку вся материя, из которой состояла державшая ее конечность, ушла на шипы. Первые капли крови и штука упали на траву практически одновременно.

— Я тебе покажу, как чужое брать! — закричала самка и повернулась к подошедшему самцу, тоже небольшому, который наблюдал за происходящим со сдержанным удивлением.— Он на меня напал! Это акт агрессии! По отношению к мирному представителю, я подчеркиваю!.. Смотри! — она ткнула раненую руку ему в лицо с такой экспрессией, что это можно было расценить как попытку дать в глаз.— Ты видел? Нет, ты видел?! — Она метнулась к вздыбившему шипы морфенку: — Где твои родители? Мама, оплодотворитель, третье лицо... бабушка! У тебя есть бабушка?!

Морфенок при всем желании не смог бы ответить на эти вопросы — во-первых, в данный момент у него не было речевого аппарата, а во-вторых, они задавались не на его родном языке, а на палиндромоне, причем на свернутом. Свернутый палиндромон вообще мало кому

понятен, поскольку, к примеру, слово «атрогентревертата-тревертнегорта», означающее «бабушка», сворачивается до коротенького «атта», у которого есть еще примерно сто пятнадцать как свернутых, так и развернутых значений. В таком виде палиндромон удобен тем, что на произнесение одной фразы уже не надо тратить несколько часов, но догадываться о значении слов приходится интуитивно, а многие виды, включая морфов, в принципе не обладают интуицией.

— Айа, имей совесть,— снова загудел низкий голос.— Он тебя даже не понимает.

Детеныш еще не научился сохранять форму, поэтому от неожиданности снова морфировал — на этот раз в нечто шестиногое и мохнатое. Он вопросительно уставился на самца, но тот покачал головой и указал на одно из летающих существ.

— Я же говорил тебе, что я здесь,— подтвердил голос.

Морфенок взвизгнул и поскакал прочь, высоко подбрасывая все шесть ног. Люди — впрочем, не люди: сегодня морфенок нашибался на всю оставшуюся жизнь — засмеялись, глядя ему вслед. Маленькие, темноволосые и светлокожие, они походили на брата и сестру, но и ими тоже не были. Звали их Селес и Айа, и с кораблями — действительно говорящими и более чем разумными — их связывали непростые симбиотические отношения. Что-то вроде принятых у некоторых культур семейных связей, но значительно интереснее. А еще в ходе приземления их корабли между собой поссорились, причем корабль Селеса поссорился заодно и с самим Селесом.

— З-зараза...— Аяа вытерла кровь пучком травы.— Я же говорила, что крюк украли, а ты: выронила, выронила... Еще и дерется.

— Ты его напугала,— пожал плечами Селес.— А крюк надо лучше пристегивать.

— Вот ты сейчас сказал две совершенно ненужные вещи подряд. Ты горд собой?

— Аяа, прекрати,— подал голос корабль.— Зайди внутрь, руку нужно восстановить.

— Ага, бегу уже.

Аяа фыркнула и отвернулась, взмахнув длинными нечесаными волосами.

— Мы скоро вернемся,— пообещал Селес, и они опять ушли. Корабли остались греться под закатным солнцем и слушать чирикание крохотных летающих лягушек, роившихся над цветами мерзянки.

— ...Вот не надо... У Аяа, может, и трудный характер, зато она не заставляет тебя мотаться по планетам в поисках неизвестно чего.

— Она заставляет меня мотаться вслед за вами. В чем разница?

— Я не улавливаю интонацию, ты сейчас пошутил?

— Ну... конечно, пошутил.

— Может, ты с ним поговоришь? Этим его... идеям края не видно. Почему все существуют спокойно, а ему вечно неймется?

— Пусть гуманоид развлекается. Вдруг он ищет смысл жизни.

— Да неужели...

— Я бы на твоём месте гордился. Кстати, с каких пор мы снова разговариваем?

— Это опять была шутка?

— Разумеется.

— Одно и то же: лежишь на какой-нибудь мерзкой жесткой планете и ждёшь его. За последний шиарийский год мы были на пятидесяти четырех планетах, не считая астероидов!

— Пусть ищет.

— Зачем?!

— Вдруг что-нибудь да найдет.

— Гуманоидная составляющая — это так утомительно.

— Прекрасно тебя понимаю.

Селеса немного беспокоило, что первый же неофициальный контакт с местными жителями прошел, мягко говоря, не очень гладко. Еще на таможенной станции Айа пыталась задавать персоналу некорректные вопросы и лезть в непредназначенные для посторонних помещения, но таможенники держались стоически. Селес, в отличие от нее, был существом уравновешенным — насколько это можно сказать о представителе его расы, — вежливым и очень вдумчивым. Когда они несколько условных суток назад присутствовали при взрыве звезды, вся окруженная силовым полем зрительская платформа бесновалась, плясала, пила различные жидкости и даже спаривалась по углам, а Селес собирал в ментальном поле инфокапсулу с неизвестно кому адресованным подробнейшим отчетом о наблюдаемом феномене. Инфокапсулы у него всегда получались пуканые, буквально разваливающиеся от информации-

ной избыточности — Селес никак не мог избавиться от привычки педантично фиксировать каждую мелочь,— поэтому шансов на то, что кто-то, случайно обнаружив капсулу в поле, заинтересуется ею, практически не было.

Селес и Ая принадлежали к виду, называвшему себя «омтуроскевиновиливоривексорутмо», в более гуманном варианте на свернутом палиндромоне — «оммо», хотя во всех энциклопедиях все равно употреблялись исторически сложившиеся термины «неораса», «неолюди», или, на худой конец, «симбиотики», а капитаны грузовых транспортников и прочие невежливые особи называли их «новками», на что неолюди страшно обижались. Хотя новками их звали всего лишь потому, что они действительно были новичками в этой части Вселенной. На них и на их корабли начали вдруг наткаться то там, то сям всего каких-то тридцать шиарийских лет назад. А наименование «неолюди» они получили за поразительное сходство с людьми обыкновенными — как внешнее, так и внутреннее. Вообще же про новичков было известно очень мало, потому что, во-первых, их самих насчитывалось немного, во-вторых, они ничего толком не могли о себе рассказать, а в-третьих, для того, чтобы изучить, их еще следовало поймать. Не имея собственной планеты, они жили в кораблях, которые использовали ментальную энергию оммо, а в обмен снабжали их питательным раствором. Таковы были первые полученные о них сведения, сразу же поставившие науку в тупик: ментальная энергия, как известно каждому здравомыслящему гуманоиду, рептилоиду или бицефалу,— это эзотерическая выдумка шиари, которых из-за стремления к душевной гармонии вечно сносит

куда-то в астрал. А корабли, работающие на этой антинаучной штуке, еще и кормили своих симбиотических партнеров внутривенно — точнее, через особые свищевые отверстия в теле.

— Звучит даже немного неприлично,— хмыкнул и почему-то облизнулся пожилой каильский академик, узнавший об этом первым.— Чересчур, знаете ли, интимно, кхе-кхе...

— Но им же надо как-то есть,— невозмутимо ответил исследуемый корабль.

Между собой эти подозрительные пришельцы разговаривали на уникальном конструкте под названием «палиндромон» — в попытках найти рациональное обоснование того, как вообще мог возникнуть этот нелепо сложный язык, потерял рассудок не один лингвист. «Омтуроскевиновиливоривексорутмо», по их утверждению, означало «дети Вселенной». С тем, что их зовут неолюдми, они смирились, новками не хотели быть категорически и предложили нейтральный термин «внепланетяне». Но научное сообщество, обозлившись на все новые возмутительно неправдоподобные подробности, которые сообщали о себе неолюди, его проигнорировало. Оказывается, благодаря моментальной слуховой памяти любой язык они якобы осваивали буквально за одни шиарийские сутки. Общались между собой телепатически в некоем ментальном поле — от всей этой ментальной ахиней у почтенных ученых уже подергивались глаза, вибриссы и блуждающие ганглии. Жили неолюди практически вечно, поскольку корабли умели восстанавливать их тела в каких-то специальных баках. И, наконец, проклятые симбиотики не размно-

жались — ни достойным половым путем, ни даже каким-нибудь жалким почкованием. Форменный подрыв устоев, беспардонное посягательство на саму суть любой жизни! Это стало последней каплей, и научное сообщество демонстративно плюнуло на дальнейшее изучение завирального вида. В конце концов, на планеты неораса спускалась редко, вооружений не имела, на территории не претендовала и могла дальше придумывать про себя в открытом космосе все, что пожелает. Бойкот продолжался, к обоюдному удовольствию сторон, несколько шиарийских лет, пока какой-то симбиотический умник не ухитрился перебросить из ментального поля во вселенскую инфосеть примитивную капсулу, набитую мыслеобразами, доказав таким образом существование этого поля. А заодно и раздражив прочие разумные виды, не умевшие конструировать инфокапсулы, новой перспективной технологией. Научное сообщество, скрипнув зубами, вновь принялось изучать внепланетных фантазеров — сначала вяло и неохотно, а потом втянулось.

В отличие от своих соплеменников, недолюбливавших понавешанные в космосе шары, которые кто-то постоянно осваивал и делил, Селес, увлеченный, по определению корабля Айи, поисками смысла жизни, в последнее время летал исключительно от одной планеты к другой. Айа же составляла ему компанию, во-первых, по дружбе, а во-вторых, потому, что страдала от другой проблемы — ей постоянно было скучно. Селес, в свою очередь, немного страдал от компании Айи, но молчал.

Светило клонилось к закату, а они всё шли и шли по абсолютно прямой и пустынной дороге. Ничего похожего на предмет его поисков поблизости пока не наблюдалось.

Айя с мазохистским упорством трогала рану на предплечье и явно любовалась выступающей кровью.

— Ты зря не согласилась восстановиться.

— Она что, оторвана? — Айя помахала поврежденной конечностью в воздухе.— Буду я из-за каждой царапины в бак лезть.

— Обмотай чем-нибудь. Хотя бы этим листом.

— На нем микробы!

— А на морфе микробов не было.

— Были. И микробы, и вирусы, и бактерии, и плотоядные инфузорики. И спиралехвостки, это как пить дать. Они все нечистоплотные кретины!..

Увлечшись, Айя топнула ногой.

— Осторожно! — воскликнула одна из дорожных плит, и на ней внезапно образовались глаза.

Айя ойкнула и тут же снова попыталась принять нахальный и независимый вид. Селес учтиво поклонился:

— Приносим извинения.

— Принимаю,— буркнула плита.— По мне разрешается ходить, но преднамеренное топтание запрещено.

— Так, значит, вся дорога?..— Селес отдернул ногу, борясь с внезапным желанием взлететь.— Простите, как неудобно...

— Нет. Я ремонтник, произвожу ремонт выбоины. Собой. А вокруг все больше камень.

Айя осторожно потрогала разговорчивую плиту носком сапога:

— Щекотно?

— Нет. Но ходите, пожалуйста, с уважением. И не наступайте на глаза, пока я их не убрал.

— У вас тут очень красиво,— Селес давно понял, что в любой непонятной ситуации следует взывать к патриотизму собеседника.— Но мы немного заблудились. Не подскажите, как пройти к квадрату четыре-девять-четыре-ро-один-один-восемь-один?

— Я не справочное бюро. Я из дорожной службы.

— В этом квадрате имеются следы пребывания неустановленных видов... артефакты неизвестного происхождения...

— Я не знаю, я ремонтник. Не мешайте работать, пожалуйста.

Светило скрылось, и над горизонтом поднялись три разнокалиберные луны: большая красная, средняя песочно-желтая и крохотная, переливавшаяся всеми оттенками синего. Когда они налились светом и выстроились в ряд, затмевая звезды, Селес остановился, чтобы хорошенько их рассмотреть и зафиксировать в памяти все подробности. Айа тоже полюбовалась лунным парадом, потом ей надоело, и она отошла на обочину, где рассыпал пылцу фосфоресцирующий белый цветок. Потыкав его пальцем и убедившись, что это точно не морф, Айа сорвала цветок и поднесла сияющую чашечку к лицу.

Сидевшая среди тычинок и пестиков летучая лягушка панически завизжала, а потом хлестнула Айю по носу язычком, оснащенным стрекательными клетками. Айа с готовностью завизжала в ответ, выронила цветок, и из